

Су Ваньжун пользовалась в Нанкине огромным почетом.

В четырнадцать лет она уже овладела многими талантами. Когда во время Праздника весны украшения из «Золотой пудры шести династий*» поднесли ко двору, императрица Ма с первого взгляда среди целого подноса золотых шпилек выбрала изделие Су Ваньжун.

* Скорее всего, название мастерской. Золотая пудра — символ роскоши. Шести династий — У, Восточная Цзинь, Сун, Ци, Лян, Чэнь), столица которых находилась в Цзянькане (современный Нанкин).

Эта шпилька называлась «Три тысячи шелковых нитей любви, вплетенные в Летящий феникс*». На ней был изображен готовящийся взлететь феникс с расправленными крыльями, от которого исходили бесчисленные золотые нити. Они были переплетены между собой так искусно и в мельчайших деталях, что императрица Ма пришла в полный восторг.

* Летящий феникс — название прически, когда волосы уложены в высокий пучок.

Спустя несколько лет Чжу Юаньчжану потребовалось заново создать императорскую печать из яшмы, и он приказал нарисовать эскиз, однако ни один из сотен мастеров не осмелился взяться за работу.

Причина была не в том, что процесс создания был слишком сложен, а в том, что малейшее недовольство Чжу Юаньчжана грозило мастеру истреблением всех девяти родов. Ремесленники в страхе молчали, боясь рассердить истинного дракона. Когда все онемели от ужаса, Чжу Юаньчжан в гневе приказал казнить всех мастеров.

Императрица Ма, будучи женщиной необычайной доброты, не вынесла жестокости и распустила толпу, велев позвать Су Ваньжун из Золотой пудры шести династий. Лишь тогда ярость Чжу Юаньчжана поутихла.

Той ночью в зале остались лишь четверо. Цзян Хуань сопровождал государя, а Су Ваньжун тихо сидела в центре и некоторое время внимательно изучала эскиз, нахмутив брови.

— Ваше Величество намерены отказаться от стиля цзюде в пользу юйчжу*? — с некоторым удивлением спросила Су Ваньжун.

* Цзюде (卐) — самый популярный стиль письма для государственных печатей в имперские эпохи Китая (от династии Сун до династии Цин). Сильно стилизованный шрифт, который является нечитаемым для неподготовленных.

* Юйчжу (卍) — досл. «нефритовые палочки», стиль древнего китайского письма, характеризующийся равномерной толщиной штрихов, напоминающих нефритовые палочки для еды. Берет начало от малой чжуань, созданной Ли Сы в эпоху Цинь. Классический образ

сформировался уже в эпоху Тан.

Чжу Юаньчжан прищурился и спросил в ответ:

— Ты умеешь вырезать печати? Ты из чиновничьей семьи?

Су Ваньжун взяла в руки резец и ответила:

— После падения Великой столицы* наша семья Су переселилась на юг. В год, когда Ваше Величество вступили в Интяньфу, мой отец скончался от простуды...

* Название Пекина при дин. Юань.

Императрица Ма добавила:

— Эта благородная особа слышала от генерала Сюя, что ты продала себя в бордель, чтобы похоронить отца, и чуть не попала в Терем Танцующего Тумана.

Су Ваньжун мягко улыбнулась:

— Сестрица Вэнь заплатила за меня и помогла устроиться мастерицей в Золотую пыль шести династий. Ваньжун навсегда сохранит в сердце доброту генерала Сюя и его семьи.

Чжу Юаньчжан кивнул. Су Ваньжун непринуждённо беседовала с императрицей Ма о житейских делах, не выказывая ни малейшего страха перед сидевшим рядом жестоким правителем.

Су Ваньжун невозмутимо произнесла:

— Когда мой покойный отец вырезал личную печать для юаньского Нин-цзуна*, Ваньжун стояла рядом и помогала ему. Северная Юань была бесчеловечно жестокой, угнетала нас, ханьцев. Материал для той печати был куда драгоценнее, чем для императорской печати из яшмы.

* Император Монгольской империи Иринджибал (1326—1332), был вторым сыном китайского императора и монгольского хана Хошилы (Кутукту-хагана) (1300—1329).

Чжу Юаньчжан на мгновение остолбенел, а затем рассмеялся:

— Выходит, по-твоему, чжэнь — мудрый государь?!

Цзян Хуань настолько разнервничался, что его ладони покрылись испариной.

Су Ваньжун невозмутимо ответила:

— Спрашивать об этом придворных чинов бесполезно, нужно спрашивать простой народ.

— Ты прекрасна, — Чжу Юаньчжан был чрезвычайно доволен.

В ту ночь Су Ваньжун взяла резец и начала высекать печать, проработав до криков петуха. Всю ночь она беседовала с императрицей Ма, и та прониклась к ней симпатией. И император, и императрица были восхищены. Императрица Ма хотела было удочерить её, но Су Ваньжун тактично отказалась.

Перед уходом Цзян Хуань, сменив дежурство, не смог сдержаться и последовал за Су Ваньжун прямо за двери зала. Она остановилась у Полуденных ворот.

Именно там, где сейчас эта пара стояла на коленях плечом к плечу.

Теперь Цзян Хуань уже поседел, императрица Ма умерла, Чжу Юаньчжан скончался, а стража у Полуденных ворот раз за разом сменялась. С древних времён красавицы, подобно знаменитым генералам, редко доживали в этом мире до седин.

Цзян Хуань не удержался и бросил взгляд на Су Ваньжун. За эти годы его спутница жизни прекрасно сохранилась, и в ней ещё угадывались черты былой неопишуемой красоты, однако морщинки в уголках глаз неумолимо выдавали безжалостность времени.

— О чём ты задумался, бестолковый старик? — с лёгким упрёком спросила Су Ваньжун.

Цзян Хуань слабо улыбнулся:

— Думаю, почему ты ещё в те годы отказалась стать принцессой. Неужели испугалась покойного императора?

Су Ваньжун спокойно ответила:

— Дело не в том, что я испугалась покойного императора, а в том... что если бы я признала императрицу Ма названной матерью, как ты думаешь, стал бы государь выдавать свою приёмную дочь за простого стражника?

Цзян Хуань усмехнулся, преклонил колени перед залом и, поглаживая бороду, произнёс:

— Это случилось уже позднее. Разве можно это брать в счет?

Су Ваньжун рассеянно ответила:

— Разве без прошлого могло бы быть будущее?

Цзян Хуань невольно широко раскрыл глаза. Он приоткрыл рот и с глупой улыбкой на лице сказал:

— Супруга, значит, ты уже тогда...

«...»

Су Ваньжун со сдержанной улыбкой промолвила:

— Император вышел. Куда это ты уставился?

— Прибыл Его Величество! — раздался возглас.

— Цзян-лао, тётушка Су, прошу вас, поднимайтесь! — Чжу Юньвэнь с покрасневшими глазами вышел из зала и лично помог Цзян Хуаню и его супруге подняться на ноги.

К этому моменту Юньци переделался в одежды стражника и бесшумно встал в стороне.

Цзян Хуань тяжело вздохнул и с сожалением произнёс:

— Какую же чудовищную беду навлек на сей раз этот непутевый ученик?

Лицо Чжу Юньвэня залилось краской и тут же побледнело. Цзян Хуань относился к Чжу Юньвэню как к младшему, поэтому вопрос был обращён к Хуан Цзычэну.

Хуан Цзычэн холодно процедил:

— Всякий раз Цзян-лао приходится вмешиваться и наводить порядок. Вы двое считаетесь в столице видными деятелями.

Чжу Юньвэнь поспешно сказал:

— Великий воспитатель, вы слишком строги. Цзян-лао — сановник трёх дворов, а теперь ещё и

специально прибыл во дворец. Чжэню совестно. Цзян-лао, прошу.

С этими словами он пригласил Цзян Хуаня войти в зал.

Хуан Цзычэн, оставшись позади Чжу Юньвэня, сразу же второпях последовал за ними, не удержавшись от того, чтобы не бросить искоса взгляд на Су Ваньжун. Он подумал: «Говорят, жена Цзян Хуаня необычайно красива, умна и талантлива. Её искусные руки творят чудеса, но как же она связала свою судьбу с этим старым хреном?»

Он и не подозревал, что в те годы Цзян Хуань тоже считался одним из знаменитых красавцев внутренних покоев дворца. Су Ваньжун заметила скользкий по ней бесцеремонный взгляд Хуан Цзычэна и мягко, с лёгкой улыбкой произнесла:

— Конфуций и Мэн-цзы учили, что нельзя смотреть на то, что не соответствует ритуалу. Неужели все книги Великого воспитателя... читают собаки?

Как только прозвучали эти слова, Хуан Цзычэн тут же возжелал провалиться сквозь землю. Голос Су Ваньжун был негромок, но разнесся далеко за Полуденные ворота. Все преклонившие колени стражники Цзиньивэй разразились громким хохотом и хором воскликнули:

— Шинян непобедима!

«...»

Хуан Цзычэн совершенно не знал, как на это реагировать. Эта толпа Цзиньивэй — просто беспредельщики, глумятся над человеком!

Чжу Юньвэнь с детства рос среди стражников и потому не мог сурово их упрекнуть. К тому же, вспомнив, что Юньци и не совершил какой-либо серьёзной ошибки, он немного помолчал и с лёгким чувством вины произнёс:

— Это ошибка чжэня. Все свободны.

Огненно-красное солнце поднялось на востоке, и его лучи падали прямо перед Полуденными воротами, озаряя ярким сиянием крыши цзиньлинских дворцов. Глазуванная черепица отливала золотом и яшмой.

Только тогда Юньци сказал:

— Жун Цин, распусти всех.

И тогда Цзиньвэй быстро разошлись, словно стая птиц и зверей. Чжу Юньвэнь пригласил Цзян Хуаня с супругой войти в зал и распорядился приготовить завтрак, более не поднимая этот вопрос.

Между тем, Тоба Фэн, покинув императорский дворец, встретился за городом с давно ожидавшим его Саньбао.

У подножия городской стены стоял один лишь Саньбао. Он неподвижно смотрел на стену, держа в руках поводья лошади.

— Я велел сыновьям князя уходить первыми по казенному тракту. Теперь отправляйся ты...

Тоба Фэн внезапно обнажил меч!

В одно мгновение Ма Саньбао выхватил саблю и с резким звоном блокировал клинок. Тоба Фэн развернул меч и нанёс прямой рубящий удар. В ужасе Саньбао отступил, раздалось несколько ударов скрещивающегося оружия. Лезвие меча Тоба Фэна натолкнулось на саблю. Он поднял руку и нанёс горизонтальный взмах, тут же ударив плашмя по лицу парня.

Тот удар, исполненный скрытой силы, заставил Ма Саньбао с болезненным криком выпустить саблю из рук и упасть на землю.

— Пять движений, — ледяным тоном произнёс Тоба Фэн. — Это тебе урок за Юньци.

В глазах Саньбао мелькнула тень гнева.

— Пошли.

Тоба Фэн вскочил на лошадь и стал ждать, пока Саньбао сядет позади.

Саньбао поднял саблю, одной рукой прижимая распухшую щёку, и, пошатываясь, отошёл подальше.

— Я не вернусь, — ответил он.

Тоба Фэн нахмурился и с подозрением спросил:

— Что ещё наказывал тебе князь?

Саньбао, с кровью на губах, невнятно пробормотал:

— Больше ничего. Я хочу вернуться и сопровождать младшего шурина дальше.

Тоба Фэн насмешливо фыркнул:

— Кому это нужно, чтобы ты его сопровождал?

Саньбао ответил:

— Я человек, благодарный за добро. Князь — это князь, а младший шурина — это младший шурина. Это разные вещи. Кроме тех неприятностей, что по моей вине выпали на долю младшего шурина...

Тоба Фэн равнодушно прервал объяснения Саньбао:

— Он любит жаренных перепёлок, с мёдом. Ночью во сне скидывает одеяло, так что следи, чтобы он не простудился весенними ночами. Воду из колодца кипятить, прежде чем пить.

Саньбао с тёмным от напряжения лицом заткнул за пояс саблю. Тоба Фэн больше не проронил ни слова. Он пришпорил коня и помчался по казенному тракту, устремляясь за братьями Чжу, сбежавшими из столицы.

Несколько дней спустя, Пекин.

— Двое взрослых мужчин днём кормят друг друга с ложечки, а ночью спят вместе и везде ходят в обнимку. На что это похоже! — с гневом выкрикнула Сюй Вэнь, уперев руки в боки.

Чжу Ди, заискивающе улыбаясь, спрятался за спину Чжу Цюаня. Сюй Вэнь, держа руки по бокам, уже собиралась ущипнуть Чжу Ди за ухо, как вдруг услышала, что управляющий из-за ворот в спешке доложил:

— Князь! Ванфэй! Великая радость! Чжу Фэн вернулся с сыновьями князя!

Сюй Вэнь тут же вскрикнула:

— Мои родные!

И вот сопливая драма воссоединения брата и сестры, разразившаяся несколько месяцев назад, повторилась вновь. Алое платье, словно языки пламени, метнулось из зала наружу, только на этот раз объектом стал Чжу Гаосюй. Чжу Гаочи и Тоба Фэн оказались полностью забыты стояли в сторонке.

— Хорошо, что вы вернулись целыми и невредимыми... — рыдала Сюй Вэнь, утирая слёзы и сопли.

Тоба Фэн снял седло, передал боевого коня слуге. Понаблюдав за Сюй Вэнь, он возмущённо воскликнул:

— Я тоже твой сын, почему меня ты не обнимаешь!

Чжу Гаосюй ревел во весь голос, обнимая мать. Сюй Вэнь бросила на Тоба Фэна сердитый, но нежный взгляд и, взяв за руку младшего сына, ушла внутрь проводить осмотр.

Хотя недостающих рук или ног нет, всё равно нужно внимательно проверить, не осталось ли следов от плетей или восковых свечей.

После того как Сюй Вэнь ушла, Чжу Гаочи с пониманием похлопал Тоба Фэна по плечу:

— А ведь я её родной сын, что уж говорить о тебе.

После того, как героических приветствий, которые он ожидал, не состоялось, Тоба Фэн немного расстроился. Все в усадьбе устремились встречать сыновей князя, а если точнее — встречать Чжу Гаосюя.

Тоба Фэн некоторое время стоял в стороне и наблюдал, как Чжу Ди и Чжу Цюань выходят из резиденции плечом к плечу. Сюй Вэнь уже занималась подготовкой пиршества для Чжу Гаосюя, чтобы помочь ему забыть о пережитых страхах, и никто не обращал на него внимания. Казалось, всё это было его прямой обязанностью — сродни тому, как слуга подметает опавшие листья в саду.

Тоба Фэну ничего не оставалось, как удрученно уйти, вернуться в свою комнату, чтобы лечь спать, и ждать вечернего пира. Блюд наверняка будет множество. Он только надеялся, что не проспит, ведь никто не придёт его будить.

— Ши-гэ тебя любит, — пробормотал Тоба Фэн. Он лежал на кровати, закинув ногу на ногу. Одна рука была заложена под голову, а другой он обнимал воображаемого Юньци, прижав того к груди, и постепенно уснул.

Глубокой ночью повсюду полыхал огонь. Тоба Фэн резко открыл глаза, услышав за дверью комнаты шум. Казалось, словно тысячи солдат окружили княжескую резиденцию.

Беспрестанно доносились звуки яростной схватки. За стенами княжеской резиденции слышались душераздирающие крики личной стражи, на небе отражались кроваво-алые отсветы. Раздавались визги слуганок и взволнованные возгласы слуг...

«Где князь?» — с подозрением подумал Тоба Фэн.

Верно, днём он видел, как тот уехал за город с Чжу Цюанем. Значит, сейчас в резиденции осталась лишь Сюй Вэнь. Неужели это ответный удар комиссара по гражданским и финансовым делам Пекина?

Тоба Фэн отодвинул пальцем занавеску и выглянул во внутренний двор.

Его догадка оказалась верной. Он долго смотрел, вытянув шею, как вдруг дверь позади него с грохотом распахнулась.

— Чжу Фэн! Се Гуй послал войска штурмовать княжескую резиденцию! Сам князь и семнадцатый князь уехали за город! Их войска снаружи атакуют город! Се Гуй хочет захватить Ванфэй в заложники! Быстрее!

Тоба Фэн потрогал свой урчащий живот и побежал за доложившим информацию управляющим к главному залу.

Сюй Вэнь стояла во внутреннем дворе. Перед ней были отважные стражники резиденции, а позади находились дрожащий от страха Чжу Гаосюй и спокойный Чжу Гаочи.

Сюй Вэнь, словно тигрица, защищающая своих детёнышей, грозно произнесла:

— Княжеская резиденция много лет содержала ваших жён и детей, и сегодня настал час для доблестных воинов проявить себя! Все, соберитесь с духом! Покажем этому трусу Се Гую, на что способны пекинские бойцы! Армия княжеской резиденции ничуть не уступает караулу Дояня!

Будучи дочерью генерала, Сюй Вэнь с детства сопровождала Сюй Да в разных походах и видала немало полей боя и смертей, так что её характер был чрезвычайно груб и суров. Сейчас одним криком она подняла всеобщий боевой дух.

Тоба Фэн холодно наблюдал за тем, как Сюй Вэнь командует войсками. Она обернулась и резко крикнула:

— Чжу Фэн*! Ты как раз вовремя! Разнеси это трусливое яйцо в клочья!

* Тут используются иероглифы в значении «бешеная свинья» (猪), а не фамилия Чжу Ди, как обычно.

Обиды, недовольство и гнев, которые копились в Тоба Фэне за все эти дни, сдерживать больше стало невозможно. Его терпение в мгновение лопнуло, и не находя выхода все своей ярости, он

с горечью и возмущением заорал:

— Довольно шуток! Как можно сражаться на пустой желудок?!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326089>